

Тяжело быть крупным. Даже опасно. «Ночью хочется звон свой / спрятать в мягкое, / в женское». Это—Маяковский. Дело не в широких плечах. И не в росте. Есенин был невысокого роста, а тоже не уместился. Когда меня спросили: «Отчего я с моими-то возможностями не отыщу себе достойного применения?», ваш покорный слуга не нашёл ответить ничего лучшего, как: «Понимаете, я слишком крупный...» А надо бы стать эврименом, человеком усреднённым, одномерным. Ну, как у Герберта Маркузе. Вот и Иван Кононов не скрывает того, что он крупный. Может быть, даже крупнейший...

Сейчас я буду перечислять телевизионные позывные, за которым проглядывается фигура Кононова: «12-й этаж», «Пресс-клуб», «Будка гласности», «Третий глаз», «Акуна матата», «Новая Старая квартира»... Эх, было времечко! В том числе,— и времечко «Времечка», когда мы телевизор не переключали. Теперь вот выключаем. Конечно, эти позывные— по преимуществу, в памяти тех, чья молодость пришлась на 90-е. Однако ту память уже не стереть. А раз не стереть, то сами решайте: крупный Иван Кононов или не крупный? Хотя однажды он сгоряча обмолвился: «Все мои надежды на телекарьеру фуфлом оказались!»

Не скажу, что наш диалог был простым. Поелику слово «телевидение» вызывало на лице моего собеседника скуку. Временами я буквально вытягивал из него ответы или, отвечая, Иван уходил куда-то в сторону, пусть и более интересную, чем первоначальный предмет нашего разговора. Иногда я ловил себя на мысли, что говорю за Кононова. Но я тут же вспоминал его стихотворные строчки: «Ты-то—вовсе не ты. Это—я, / Перевернутый в чреве твоём...» Мы будто становились двойниками. Параллельно я понимал и другое: так в России часто бывает—человек заточен Господом на одно, а ему полжизни (если не целую жизнь!) приходится воплощать себя совершенно в иной ипостаси.

1. Омуты Емели, или Грузовик с подарками

юб. Иван, поговорим как два изгоя?

ик. Прямо-таки песенная строчка...

юб. Глядишь, к концу нашего диалога мы эту песенку—на два голоса—и сложим? И если ты уж сразу повёл по песенному следу или—по стихотворному, потому что в песнях твоих всё равно «в начале было Слово», то вот на какую улику я натыкаюсь. Пусть косвенную. Но любой, кто сейчас подключится к нашему разговору, может проверить: зайдёт на «Ютуб» и откроет твой хит «Левый берег Дона». Только в исполнении не Шуфутинского, а самого Ивана Арсеньевича. Какая там авторская вольность—в финальном припеве? Или—оговорка по Фрейду? Задумался? Попробую напеть:

Левый, левый, левый берег Дона,
Чайки, пляжи, плёсы у затона.
Рядом, рядом омуты и мели,
Мы до них добраться не умели...

Так—в оригинале. А Иван Арсеньевич вместо «не умели» поёт «не успели». И обращается к слушателям в открытую: «А вы успеете!»

ик. И... что бы это значило?..

юб. Сейчас я почувствовал себя Консультантом на Патриарших, который лицезрит, как Иван Кононов трансформируется в Ивана Бездомного. А посему мне хочется обратиться к своему собеседнику: «Милейший Иван Арсеньевич! „Не успели“ ровным счётом ничего не значит. Всего лишь вздох о неосуществлённом. Ах, вы тоже „не успели“, Иван Арсеньевич?..»

ик. Допустим. Но где здесь участь изгоя?

юб. Конечно, тут налицо всего лишь светлое сожаление о том, что не случилось. Но ежели прислушаться, то «омуты и мели» звучат как «омуты Емели». А?..

ик. Ну и слух у Консультанта!

юб. Абсолютный. Емеля—любимый персонаж русских народных сказок. А в «омутах Емели»—тут всё: и печкообразное существование, и ожидание того, что печка наконец-таки сдвинется с места—то бишь явится волшебная щука, которая всё переиначит «по щучьему велению».

ик. Предвкушаю, какая сейчас получится из этой шуки уха!

юб. А вот какая. Тройная. Шука—она же хищница. И в ней можно обнаружить всё, что угодно,—от ершей-окуней до золотого николаевского червонца. Начнём потрошить. Берём свежую—только что мной выловленную—книгу Ивана Арсеньевича «Эра Водолея». А там—стихотворение «Не мой монолог». Заметьте: «Не мой». Ещё одно сожаление. На сей раз по поводу того, что монолог мог быть кононовским:

А я ещё до Полозковой
В своей тусовке подростковой
Читал под музыку стихи...

Потрошим дальше:

Ещё был строй великолепен,
Ещё Пелевин и Прилепин
Не сотрясли концы начал,
Ещё, власть рифмой не истыкав,
Ходил-бродил безвинный Быков,
А на меня комсорг стучал.

Вот! «Комсорг стучал». Уже, знаете ли, биографическая конкретика с намёком на зреющее изгойство. Теперь добавим в ушицу соли и перца:

Явились люди, их немало,
И что во мне куда пропало,
Когда запели все они?

А вот и лавровый лист:

Без головы из-под дивана,
Как Иоанн из Иордана,
Я вышел в космос и затих.
Как говорится, делать неча.
Ну что ж, я снова тех предтеча,
Кто будет завтра, после них...

Итак, имечко дадено! Теперь проверим Сеть. Иоанн Предтеча, то бишь Креститель, был изгоем одной из древнееврейских сект. А это уже строчка его нынешнего тэзки: «Я знал, что лишний на пиру». Ну как?

ик. Ты убедителен.

юб. Нет, это ты убедителен! И, судя по всему, котелок твой неплохо варит. Поставим его на огонь памяти. В восьмидесятые ты вместе с Арабовым и, очевидно, другими кукушатами «гнезда Кирилла» (речь о Кирилле Ковальджи) оказываешься в «Юности», на заседаниях «Зелёной лампы». И только в тысяча девятьсот девяносто девятом году выходит твоя первая книга с барковским названием «Конец века», которую напутствует всем известный Эрнст Неизвестный. И—с разрывом почти в десятилетие—вторая книга «Смыслы» с предварением друга юности Юрия Арабова, ставшего к тому

времени также весьма узнаваемым поэтом и сценаристом. Впечатление, что и старшие, и сверстники будто бы пытаются вернуть во-своися изгнанного! А Иван Арсеньевич предпочитает оставаться «предтечей» тех, «кто будет завтра». Чем не изгой древнееврейской секты?

ик. Расскажу тебе одну короткую историю из детства, которая, по-моему, многое объясняет. Я, как ты знаешь, родился в Ростове-на-Дону. И жил там с родителями и бабушкой до восьми лет в одной комнате полуподвальной коммуналки. Зато в самом центре. Рядом с нами была главная площадь города—Театральная. На ней проходили парады и демонстрации. И разные мероприятия для детей. Мне было лет пять. Мы пошли с бабушкой на соревнования для малышей по езде на скорость на трехколёсных велосипедах. Я приехал первым. И для меня это была большая победа. К тому же победителям вручали всякие призы. Я весь был в предвкушении награды. Но призы раздавали со стоящего в стороне грузовика. И все родители ломанулись к нему. А бабушка моя была инвалидом, ходила, сильно хромая. И когда она сумела пробиться к этому грузовику, все награды уже закончились. Я никак не мог понять, почему моя победа оказалась совсем незамеченной и неотмеченной. Это была моя первая в жизни чудовищная несправедливость. Рыдал я отчаянно...

юб. Я сейчас тоже едва не разрыдался, как в фильме «Папаша» Пьер Ришар перед Жераром Депардьё. Потому что я тебя понимаю, как бывший трёхколёсник трёхколёсника. Тем паче—пришедшего к финишу первым. Но Иван Арсеньевич наверняка потом пересел на взрослик (стыдно признаться: я так и не перебрался с трёхколёсного велосипеда на двухколёсный), и этот взрослик вынес нашего героя аж на Центральное телевидение! А там...

ик. Думаю, что, как в истории с не доставшимися мне в детстве призами, нечто похожее происходило и в моей взрослой жизни. Единственное отличие—я не рыдаю и даже не расстраиваюсь. К тому же верю в Божий промысел. И в высшую справедливость. И отнюдь не считаю себя изгоем.

юб. Ах, если бы, Иван Арсеньевич, я не знал ваших текстов! Или мы имеем дело с раздвоением личности, или кононовские песни и стихи написал совершенно другой человек. «Затону я от пробоины в душе...» Ну, допустим, городской романс исполнен не от собственного лица. Но стихи—то не подделаешь! «Небо меня в долю не брало...», «И без вёсел, хоть возле уключин». Бьюсь об заклад: это не жалоба турка, а чисто-сердечное признание Ивана Кононова.

ик. Пойми: несмотря на «пробоины», мне всё всегда давалось легко. Я практически чудом попал на телевидение. Причём сразу в святая святых—программу «Время». Без особого напряжения сделал там карьеру...

юб. Фу, Иван Арсеньевич!..

ик. Никаких «фу». Я всего лишь привожу контр-доводы: вырос от помощника режиссёра до ответственного выпускающего. В начале перестройки перешёл в самую «продвинутую» редакцию Центрального телевидения—молодёжную. Был главным редактором вновь образованной студии, которая так и называлась—Новая. Успешным ведущим. Одна культовая программа «Третий глаз» чего стоит! Вице-президентом первой частной телекомпании—атв. Начинал, в буквальном смысле запускал на орбиту телеканал «Звезда». Параллельно написанная мной по наитию (я отвратительно играю на гитаре и совсем не знаю нот) песня «Левый берег Дона» в одночасье сделалась хитом. Но...

юб. Ну наконец-то!..

ик. Я никогда не лез, распахивая всех вокруг, к грузовику с подарками. Стихи пишу свободно и много, веря в то, что придёт и их черёд. И вообще руководствуюсь принципом: «Покажите мне, как это делается, и я сделаю это лучше всех». Что касается изгойства, то я сам изгнал из себя чудовищное по своей беспардонности телевидение...

юб. Интереснейший поворот! Стало быть, теперь телевидение—изгой Ивана Кононова?

ик. Я также изгнал любое конъюнктурное писательство и проживаю в литературном заточении, обожаемый женой и поддерживаемый друзьями, которые дают мне возможность зарабатывать. Благо знакомств и связей у меня немерено. Так что у изгоя есть кормильцы: любовь и дружба. Но я слышал, что ты на эту тему целую книгу сложил? Любопытно, насколько совпадают наши представления об изгойстве?

юб. Если б я не знал, что ты вёл программу «Третий глаз», то я бы поверил, что у тебя сию минуту он открылся! Ты сейчас практически воспроизвёл её название—«Кормильцы вечного изгоя». Это книга моих диалогов. Перечисляю кормильцев: Астафьев, Евтушенко, Битов, Проханов, Крупин, Гачев, Лимонов, Куняев, Курбатов, Есин, Владимир Орлов... Свиток, разумеется, можно разворачивать и дальше. Но теперь в этом свитке—Иван Кононов. То бишь, Иван Арсеньевич, отныне вы тоже—мой кормилец...

ик. Это почётно! Особенно—когда кормильцев много...

юб. М-да, из перечисленных в живых—примерно половина...

ик. Значит, как в фильме «Новые приключения неуловимых»? «Вам билетёр нужен?—Был нужен, да уже взяли.—А может, и я на что стою?—Может, и сгодишься».

юб. Тогда я тоже озвучу весёлый рефрен из жизни изгоев. Однажды я был главным редактором. Но только однажды—во второй половине семидесятых. И знаешь, главным редактором чего? Стенгазеты «Горьковец» на филфаке Пермского госуниверситета, в те годы невероятно читаемой. Но снят с этой должности решением партийного факбюро. За что? Я Ленина рифмовал с Ленином, а стихи иных авторов печатал на изображённой жёлтой ступне сорок пятого размера. С тех пор меня до главных редакторов не допускали. В начале девяностых я было вошёл в редколлегию журнала «Юность». Учредил и вёл там рубрику «Русская провинция». Но однажды мне было сказано: «Вы наводите смуту. Приходится выбирать: или вы—или журнал!» Подался в собкоры «Комсомолки». Однако вскоре услышал: «Вы слишком много внимания уделяли теме Космоса!» И, ставший на тот исторический момент одним из первооткрывателей Пермского треугольника, вынужден был уйти из редакции за связь с нло. Затем я, как ты знаешь, стал ведущим авторской программы в пермской телекомпании «ВЕТТА», но года через два её генеральная директриса мне заявила: «Нам умные передачи не нужны!»

ик. Аплодирую!

юб. Однако самое моё последнее достижение (сейчас ты будешь уже тихо смеяться)—и. о. главного редактора «Лукоморья», литературного приложения к пермской краевой газете «Звезда»! Как видишь, всего лишь и. о. При этом и. о. без зарплаты. Потому что паузы с выплатами моего нищенского оклада доходили до полугода. Когда меня подкосила болезнь, задерживали даже оплату больничного... В общем, всё как в моём давнем стихотворении «Тверёзая закурганная»:

Расступилась мура, чтоб нагнать мишуру.
Там ты был без двора—здесь ты не ко двору...

ик. Ты так повествуешь о своём изгойстве, что во мне невольно запульсировало ахматовское:

Золотое клеймо неудачи
На ещё безмятежном челе...

юб. И вот когда это «клеймо» приобрело ослепительный блеск, моими кормильцами стали классики современной русской литературы. В прямом смысле этого слова. В некоторых изданиях

за «голову» того или иного классика мне платили в начале нулевых по двенадцать тысяч рублей. Если учесть, что я выдавал каждую неделю по «голове»... Хотя вижу по твоему «Третьему глазу», что это не деньги для телевизионщиков.

2. Аквариум, полный сердечек

ЮБ. Ты нарёк себя «предтечей полозковых и орлуш», а я, представь, был предтечей предтечи. «Третий глаз» у Ивана Арсеньевича ещё пребывал в спячке, а ваш покорный слуга вместе с уфологом Эмилом Бачуриным уже отправился в аномальную Молёбку — тот самый Пермский треугольник, который ныне известен повсюду. Получил там первые сенсационные снимки «летающих апельсинов». Это был тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Потом опубликовал, пробившись сквозь цензуру (она тогда действовала — относительное нЛО и всего непознанного), свои «Записки сталкера» в пермской молодёжной газете. После этого любопытствующий народ со всего Советского Союза волнами повалил в Молёбку. В Перми возник не просто клуб уфологов, а — бери выше, до Космоса, — Международный комитет по сотрудничеству с внеземными цивилизациями! Во главе — теперешний автор умопомрачительных книг и гипотез, консультант и частый гость телеканала РЕН ТВ, а тогда мало кому известный биолог Владимир Шемшук. В общем, Нью-Васюки. У нас даже были соответствующие удостоверения... Но ведь Останкино тоже начало бредить чудесами? И, по сути, главным проводником их сделался Иван Арсеньевич?

ИК. Паранормальные явления на телевидении стали обсуждаться не вдруг. В молодёжной редакции спецом по этой тематике был Вадим Белозёров. Именно он вывел на экран Алана Чумака. Он же приводил его к нам в курилку на двенадцатый этаж Останкинского телецентра, и мы, раскрыв рты, наблюдали за пассажами Алана Владимировича, разгоняющего облака или читающего наши потайные мысли. Вершиной медийного колдовства Чумака я считаю его знаменитую радиопередачу, во время которой он довольно-таки подолгу просто молчал...

ЮБ. Это круче, чем «Чёрный квадрат» Малевича!

ИК. Вот-вот. И народ как замороженный слушал его молчание и подставлял под радиоприёмники жидкости и мази для энергетической зарядки. Потом уже во «Взгляде» появился Кашпировский, с операцией без наркоза в прямом эфире, и вышла из подполья легендарная Джуна, у которой в её гостеприимном и хлебосольном доме на Арбате дневали и ночевали все мало-мальски

известные в ту пору журналисты, артисты и общественные деятели. В тысяча девятьсот девяносто втором году к чудесам в прямом эфире мало-помалу приобщился и я. Поначалу всё происходило, как бы сейчас сказали, чисто по приколу. Меня познакомили с Юрием Лонго, и мы подружились. К его колдовству я относился как к выдающимся психологическим этюдам с элементами иллюзионизма. Юра был обаятельной личностью, тонким знатоком человеческих душ и ловким манипулятором, умело и по-доброму распоряжавшимся своим даром медиума и гипнотизёра. Так вот, дабы избежать упреков в пропаганде всякой чертовщины, я предложил Лонго спарринг с его антиподом — Юрием Горным. «Юрий Горный — мужик вздорный», — придумал я для него дразнилку, и тот не обижался. Потому что надо было ещё поискать более неистового, задиристого и несдержанного борца с чудесами, чем он. В общем, два Юры, горячо выясняя друг с другом отношения, стали еженедельно под моим началом задавать жару весьма респектабельным и звёздным гостям. Каждый со своей колокольни. К удовольствию всех присутствующих, включая телезрителей. Всё это я и обозвал «Третьим глазом». Дальше — больше. Вдруг выяснилось, что в нашей стране, на волне постоянных перемен и неожиданных поворотов истории, возникло огромное количество людей с паранормальными способностями.

ЮБ. Вся страна стала паранормальной. Причём — снизу доверху!

ИК. И все жаждали применить эти способности на практике. И все хотели в телевизор. И, что самое важное, телевизор, в лице своих зрителей, тоже страстно хотел их видеть, слышать и пытаться понять. Так я сделался дежурным по чудесам, честно пытаюсь разглядеть пользу и рациональное зерно в своих новых иррациональных героях. Все мои гости были уверены, что я днём и ночью штудирую эзотерическую литературу и консультируюсь с закулисными гуру. На самом деле я просто писал стихи и до сих пор убеждён в том, что поэзия — самая что ни на есть абсолютная магия, позволяющая заглянуть туда, куда не добраться обычным путём.

Постепенно я привык к тому, что меня стали считать тем, кем я не являлся на самом деле, — экспертом в мире народных целителей и ворожей. И не удивлялся вниманию со стороны любимых артистов и других уважаемых людей. Правда, никогда и никому никого не рекомендовал. Никогда и никому.

Случались и забавные эпизоды. В студии «Третьего глаза» стоял огромный полукруглый аквариум, наполненный разноцветными стеклянными изделиями в форме сердечек.

В завершении программы мои гости заряжали их своей энергией, и я потом раздаривал эти амулетыки наиболее активным телезрителям. Однажды мне позвонил один из боссов НТВ и извиняющимся тоном сказал: «Вань, ты ж понимаешь, как я к этому отношусь. Чушь всё это собачья! Но не мог бы ты мне выдать кучку своих сердец? Родственники и знакомые достали!»

ЮБ. Мне этот аквариум представляется образом идеального телевидения! Но говорят, его дежурный по чудесам даже впоследствии побывал у филиппинских хилеров?

ИК. Никогда не забуду этой поездки на Филиппины! Причём мы были не у городских цивилизованных специалистов по операциям с помощью пальцев, а в самой глубинке страны, где не ступала нога белого человека, у посконных целителей, которые заменяют там лечебные центры и ведут приём всего окрестного населения. Можете ли вы себе представить какое-нибудь наше медицинское учреждение, где бы врач осматривал больного на глазах у всех посетителей, и тот, нимало не смущаясь, публично бы обнажал при необходимости любые части своего бренного тела? Я ложился, раздевшись практически догола, на стол, и из меня вынимали какие-то кровяные сгустки в присутствии остальных страждущих, сидящих как на представлении. Уже в Москве разные специалисты объясняли мне этот метод лечения ритуальностью, выработанной веками. Кто-то даже говорил о проникновении под кожу на молекулярном уровне с помощью коллективной энергии. И только когда совсем недавно я попал в руки нашего отечественного уникального массажиста, до меня дошло, что хилеры реально добираются до любых внутренних органов, но не насквозь, а снаружи. Просто доскональное знание тела, сила и навыки их пальцев позволяют делать это точно и целенаправленно. Остальное — психологический и религиозный фон, мобилизующий все скрытые резервы организма.

ЮБ. И однажды, Иван Арсеньевич, вы решили проверить эти резервы, оставшись в одиночку на абсолютно безлюдном острове?

ИК. Где соприкоснулся с настоящим и необъяснимым чудом! По приглашению одного из гостей «Третьего глаза», а именно итальянца Джорджио Бонджованни (знаменитого своими незаживающими стигматами в тех местах, в которых у Христа были раны от гвоздей при распятии), я очутился на берегу Адриатического моря. В поездке подружился с одним просветлённым буддистом из Питера. Его звали

Саша. Принимали нас скромные итальянцы, и мы ночевали вдвоём в одном номере. Каждое утро я просыпался под монотонное чтение Сашиных мантр. Потом мы оказались на Сицилии. А когда настала пора возвращаться в городок под Римом, я заартачился и попросил оставить меня на острове. Добрые итальянцы пошли мне навстречу и разместили по-царски. Была осень, и под Катаньей пустовало целое поселение, состоящее из летних апартаментов для горожан. Я стал жить в одной из квартир. Один среди десятка пустых домов. Ночью начался страшный шторм. Вырубилось электричество. Я вышел на балкон. Прямо у моих ног с грохотом обрушивались на прибрежные камни огромные волны! Жутковато засосало под ложечкой. И вдруг я услышал Сашины мантры. Я не мог ошибаться, я уже привык различать их сквозь сон. Этого не могло быть, но это было. Я простоял на балконе до рассвета, написав под утро стихи:

Забился мотылёк о стёкла,
И сон спешит в небытие,
Из головы восходит блёкло
Изображение моё.
Среди застывших в сладкой коме
Добротных, преданных вещей,
Один, в чужом пустынном доме,
Я стал бессмертным, как Кощей,
И, руки вытянув вдоль тела,
Вдоль Духа, Сына и Отца,
Гляжу туда, где ждать посмела
Душа от вечности гонца.

ЮБ. Можно, я попытаюсь объяснить необъяснимое? Произошло выворачивание, или инсайдаут, как сказал бы хорошо знакомый мне московский поэт и философ Константин Кедров. Бушующее море, подхватившее мантры, вывернулась в Ивана, а Иван, стоящий на балконе, вывернулся в море!

ИК. И дальнейшая встреча это подтвердила! Улетали мы с Сашей из Рима одним рейсом. Встретились в аэропорту как родные. Разумеется, первым делом я спросил его, помнит ли он тот день, когда я остался на Сицилии, а он уехал. «Ещё бы!» — ответил он. — В ту ночь разыгралась страшная буря!» — «И как тебе спалось?» — спросил я, замерев сердцем. «Да никак, я пошёл к морю, сел на берегу и стал читать мантры перед бушующей стихией». — «Я слышал их! — заорал я возбуждённо. — У себя на балконе! За сотни километров! Представляешь?!» — «И что тут такого?» — сказал, улыбаясь, просветлённый буддист, даже не поведя бровью. — Ты же был практически рядом. А они доходят и до более далёких и высоких сфер».

Спустя какое-то время я стал продюсером нового молодёжного ток-шоу на российском телевидении. По рекомендации Саши мы назвали его «Акуна матата», что на суахили означает нечто вроде «Всё будет хорошо!».

3. Хороший мальчик в стане наглых

ЮБ. Помнишь из Саши Ерёменко: «И словно в помойную яму, в цветной телевизор глядит»? Среди моих знакомых всё больше тех, кто вообще не смотрит телевизор! Принципиально. То есть в их квартирах телевизоров нет как таковых! И это — интеллектуально развитые люди: композиторы, писатели... Или — другая, более распространённая картина: как-то я стал своего старинного, ныне покойного, друга Леонарда Постникова, создателя знаменитого Чусовского этнопарка и, между прочим, заслуженного работника культуры России, за весьма незатейливым и бесперспективным занятием — человек монотонно переключал на пульте один канал за другим, и нигде душа его не могла остановиться... Сколько теперь в нашей стране таких — безостановочно переключающих?

ИК. Телевидение умерло! Да-да, я не оговорился: оно мертво. И то, что твои знакомые принципиально от него отказываются, всего лишь констатация этого факта. Оно реально не существует в том всемогущем виде, в каком существовало в мою телевизионную бытность. Телевидение стало маленькой крупичей всепроникающего и вездесущего Интернета. А он, в свою очередь, — предтеча всемирной виртуализации как естественной среды обитания человека будущего.

Но я скажу о том, чем для меня был телевизор. С детства. Он был всевидящим оком. Инструментом познания мира. Это при том, что мои родители принципиально его не покупали. Мало того, они его презирали, совершенно справедливо видя в нём воплощение того, что было им противно и чуждо, — лицемерия власти (они никогда не были партийными), идеологической шелухи и тотального вранья. А я был активным пионером и комсомольцем и бредил возможностью запечатлеть пространство и время в движущихся картинках. Мысленно представляя зрительный образ Останкино, я спрашивал себя: «Что за счастливычки обретаются в этом гигантском магическом кристалле из стекла и бетона, в котором пересекаются миллионы судеб, куда стекается информация обо всей человеческой цивилизации и где визуально воплощается весь мир?!» Мне в сладких сновидениях являлись чередой многочисленные телевизоры, которых у нас, соответственно, отродясь не было. Смешно, но ещё маленьким мальчиком, сидя в туалете, я воображал себя телеведущим.

Сны, как ты знаешь, сбываются. В недостижимый и вожделенный мир телевидения я попал до банального просто и практически случайно. Одна моя сокурсница по журфаку МГУ, с которой я был знаком весьма поверхностно, мимоходом услышав о моих мечтаниях, проявила вдруг необъяснимое великодушие и написала короткую и незамысловатую записку: «Владик, возьми мальчика на работу. Хороший». И объяснила, куда и к кому идти. Таинственный Владик, как полагается классическому телевизионщику, в вельветовой куртке, фирменных джинсах и с усами, выкатился ко мне навстречу из стеклянных крутящихся дверей Останкино, как счастливый шарик из лототрона. Задушевно со мной поздоровался, потом позвал ещё более классического телевизионного персонажа с благополучным пузиком и дымящейся трубкой в зубах, и они хором задали мне один вопрос: «Наглым быть умеешь?» Разумеется, я с жаром ответил: «О да!!! — не преминув добавить: — Для дела исключительно». Это и решило мою судьбу.

ЮБ. Как человек, несколько раз побывавший в Останкино, могу засвидетельствовать, что этот «гигантский магический кристалл из стекла и бетона» восхищает и подавляет одновременно ум и душу новичка. Кажется, здесь начальник на начальнике и начальником погоняет. Наверное, можно прожить целую вечность и так и не увидеть самого главного телевизионного босса?

ИК. Вспоминается, как однажды возле нашего с операторами столика в межстудийном холле, в самый разгар весёлого трёпа, остановился какой-то небольшого роста, одетый в костюм мышинного цвета, лысоватый дедок в очках. И ворчливым тоном, тыкая в воздух пальцем, стал отчитывать меня за то, что я сижу на подлокотнике кресла и тем самым наношу непоправимый урон государственной собственности. Я обалдел от таких нелепых нравоучений и хотел было уже вспылить, но вовремя увидел напрягшиеся лица своих разбитных собеседников, делавших мне за спиной у «пенька» (как я про себя его обозвал) отчаянные знаки, и молча сполз с подлокотника. «Пенёк» ещё раз погрозил мне пальцем, и сказав: «Чтобы это было в последний раз», — удалился в сопровождении молчаливой свиты. Мои операторы облегчённо заржали и объяснили мне, что я был на волосок от гибели. Лысоватый сварливый дедок, действовавший в лучших традициях классического дворника, оказался не кем иным, как великим и ужасным Сергеем Георгиевичем Лапиным — всемогущим председателем Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию. Это я уже потом узнал, что у него дома одна из самых больших частных библиотек,

что он большой знаток классической музыки, истинный ценитель высокого искусства и при этом отчаянный антисемит.

ЮБ. У меня тоже была эпохальная встреча. Если вернуться к нашим с тобой трёхколёсным велосипедам, то как-то, катаясь в сопровождении папы и мамы на своём трёхколёснике по центру Чусового, я вдруг распознал на противоположной стороне улицы диктора Центрального телевидения Виктора Ивановича Балашова! И с восторгом сказал об этом родителям. Ну не пришло же мне?! Не ведаю, какими путями Виктор Иванович оказался в уральском городе металлургов, где прошли мои детство и юность, но это был именно он. Он ведь чуть прихрамывает?

ИК. Прихрамывает... Я очень хорошо знаком с Виктором Ивановичем. Патриарх дикторского цеха, с завораживающим баритоном и неповторимым чувством юмора, красивый, благообразный, высокий и всегда ходящий гордо и прямо, несмотря на ранения, полученные во время Великой Отечественной, он был одним из первых приверженцев экстрасенсорики. Мы ещё не знали этого слова, но уже знали, что если подойти к Балашову прямо в коридоре с любой проблемой по здоровью, то он, приговаривая своим неподражаемым голосом какие-нибудь ласковые слова, поводит вокруг тебя излучающими тепло ладонями, и недур пройдёт, боль утихнет или исчезнет вовсе. От него мы впервые услышали имя профессора Спиркина, создавшего тайную лабораторию экстрасенсов. Сейчас Виктору Ивановичу уже за девяносто. Дай Бог ему здоровья!

ЮБ. Понимаешь, что отличало телевизионщиков прежней формации от нынешних? Абсолютная узнаваемость. И не во фронтовой хромоте дело — в роскошном голосе, во внешнем и внутреннем благородстве, в профессионализме высшей пробы. Сходными же качествами, как мне представляется, отличался и Владимир Молчанов, пришедший к зрителям уже в перестроечную пору. В памяти — Эдуард Сагалаев, один из отцов-основателей новых молодёжных программ (в тысяча девятьсот восемьдесят шестом я учился в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ на отделении журналистики, и он вёл у нас телевизионный семинар, судя по всему, уже приглядываясь к потенциальным «космонавтам» программы «Взгляд»). Мы помним «взглядовцев» — Листьева, Любимова, Захарова, Политковского, Мукусева, Ломакина, Флярковского, Артёма Боровика... Издательскую кожанку Невзорова... Пролью бальзам и на твою душу — помним «12 этаж», «Пресс-клуб» и в целом АТВ. Само собой, это уже было другое

телевидение — не такое, как при Балашове, оно так и осталось многообещающим во всех смыслах этого слова. Но — осталось.

Парадокс в том, что нынешнее ТВ взрастило себе подобных. Это — в целом по стране. Вынырнуло собственную аудиторию, которая в дальнейшем частично стала студией. То есть запрос осуществился. Если брать только типаж федеральных каналов, иногда кажется: эфир рейдерским захватом прибрали к рукам братки из девяностых — тотальный Нагиев с его тухловатыми байками про деда, Аверин, вечно ужимающийся, как цирковая обезьянка, будто выскокший из сержантской учебки Шейнин (примечательно, что его дублёр по ток-шоу «Время покажет» Кузичев обмолвился на голубом глазу: «Я не хочу, чтоб мы выглядели как какие-то гопники!»). В общем, если бы не Екатерина Стриженова из той же программы, напоминающая Аксиныю из «Тихого Дона», зрителскому взгляду не на ком было бы отдохнуть. Но возникает вопрос: отчего, к примеру, до сих пор узнаваема диктор затонувшей советской Атлантиды Анна Шатилова, активно украшающая собой сегодняшние телешоу? А вы попробуйте провести рокировку во времени: мысленно переместите к «затонувшим» нынешних телеперсон и предложите им сделать то, что делали «затонувшие». Вы увидите, как они мгновенно потускнеют и потеряются на фоне «атлантов». Тут так и хочется — голосом Высоцкого: «Ой, Вань, гляди, какие карлики!»

ИК. Юра, как я уже сказал, сейчас герои экрана (а точнее — монитора) появляются в Интернете, а не в телевизоре. Твой тёзка Дудь имеет аудиторию, сопоставимую с аудиторией большого федерального канала! Мне скучно говорить про сегодняшнее телевидение...

ЮБ. Но ведь на сегодняшнем телевидении работает другой мой тёзка — Юрий Иванович Кононов, главный режиссёр утреннего вещания Первого канала! Все знают, что сын за отца не отвечает, но отец-то — за сына?

ИК. Юра делает не передачу, а практически канал в канале. Он даже так называется — «Доброе утро» на Первом, каждый день — четыре часа эфира! Делает его по законам социальной сети. Короткие сюжеты, приближённые к повседневным заботам человека, эфир онлайн. Телевидение до сих пор — мощный разносчик сигнала. При этом делает он это здорово. Потому что профессионал. Но только кто сказал, что ему это очень нравится?

ЮБ. Ага, значит, ты всё-таки хоть изредка, но телевизор смотришь? Тогда поймёшь мои во многом уже риторические, вопросы. Что и кого

я должен узнавать на теперешнем тв? Взаимное и многоканальное изнашивание Украины и России? Подлинность анализа мочи Бари Алибасова? Леворукого танцора диско Игоря Прокопенко, наводняющего на рен тв мультяшные ужасы «шокирующими гипотезами»? Экающего и мекающего Андрея Малахова, похожего на Аль Бано, недавно перешедшего с итальянского на русский? Может, для кого-то он — свет в окошке, однако царственная Элина Быстрицкая, принявшая участие в его ток-шоу, помню, заметила: «Андрюша, зачем вы так истошно кричите?!» Но, судя по всему, Андрюша уверовал в свою тотальную узнаваемость, и в самооценке ему не откажешь: «Если ты что-то делаешь хорошо, ты будешь вне конкуренции, ты — номер один». Ручаюсь за цитату, ибо эту отлитую в золоте фразу он обронил в «Прямом эфире» двадцать второго мая сего года. И она так меня позабавила, что я потрудился её записать.

ик. Ну правда, вот как на духу: телевидение мертво. Но разлагаться будет ещё достаточно долго. Максимум лет пять. Кстати, когда я был проректором в институте телевидения и радиовещания «Останкино», то ещё в две тысячи девятом году пытался втолковать студентам, что им выпало счастье попасть в революционную эпоху смены приоритетов. Что вот-вот роль всепроникающего ока целиком и полностью перейдёт к Интернету. Каналов — тысячи. Каждый — сам себе телекомпания. Тогда они не прислушались ко мне, и я через пару лет покинул преподавательское поприще. Сейчас всё, о чём я говорил, — уже реальность. Поэтому способы поглощения видеoinформации сегодня практически не имеют отношения к телевидению как таковому. И процесс этот необратим. Следующий шаг — внедрение чипов внутрь человека. Тот же изобретательный миллиардер Илон Маск уже заявил об успешных испытаниях подобных технологий. А для меня это повод зафиксировать и осмыслить в слове всё происходящее в виртуальном пространстве:

Для единения сограждан
Порядок новый нынче дан:
В любом пространстве перед каждым —
Прозрачный сенсорный экран.
Будь ты плебеем или випом,
То — в кайф, то — с горем пополам,
Тебя ведут внедрённым чипом
К великим мыслям и делам.

юб. Благодарствуем, Иван Арсеньевич, за начертанную перспективу!

ик. Это из поэмы «Операция „Резус-фактор“, или История одного бессмертия». Впрочем, для меня моё телевидение всегда было сродни поэзии.

Поиск рифм и созвучий внутри полифоничной действительности. По-моему, Андрей Битов писал в «Улетающем Монахе» о рифмах судьбы и жизни. Так происходит открытия. В обществе рефлексирующую роль исполняет искусство, а задачу рефлектирующего рефлектора должна решать журналистика. Особенно — электронная. Особенно — усиленная Интернетом. Что, собственно, и происходит. Журналистами становятся все пользователи социальных сетей поголовно. Не успеет появиться какая-либо информация, тут же — море комментариев и версий...

юб. Не смейся меня, Ваня! Называть журналистами всех пользователей соцсетей поголовно?! Мой друг и собрат по былому соборству в «Комсомольской правде», живущий в Екатеринбурге, Сергей Авдеев наемни написал в тех же соцсетях, что он в одночасье сделался вдовцом. Ибо приказала долго жить его профессия — журналистика. И это не кокетство. Серёга, будучи мастером своего дела, получает пособие по безработице. Потому что мастера опасны, во всяком случае, невыгодны в среде дилетантов и подмастерьев, которые сегодня, по преимуществу, заняли все ниши. Мастера — изгой. А ты мне — про поголовную журналистику!.. Да, обнародованное в Интернете вдовство Сергея Авдеева тут же обросло тысячами солидарных онлайн-откликов и комментариев. Но считать эти отклики и комментарии журналистикой?! Извини. Тогда следует придумать какое-то другое название. Например, «Крики чаек». Это — когда с палубы летит голова вяленой воibly, а чайки — скопом! — на неё набрасываются. Что касается газет, то почти все нынешние газеты — клоны. Один формат, одна подача, один язык, точнее, полное его отсутствие. Всё — в остатке. «Мы — остаток России! / Золотой генофонд!» — как заметила поэт Людмила Щипахина. И наш сегодняшний разговор — не попытка ли вернуться в этот «остаток»? Потому что с журналистикой — то же самое, что и с твоим телевидением...

ик. Моего телевидения нет. А нынешнее стало рефлектором в одну сторону. От экрана — в массы. Превратилось в кинобудку, в источник развлекаловки и разжёванных новостей. Исчезла мощная коммуникационная миссия с обратной связью. Общественный мозг, как и индивидуальный, без рефлексий управляем, но не самостоятелен и беспомощен перед новыми вызовами.

юб. Я имел возможность посмотреть на цт изнутри. Причём ещё во времена, когда там в литдраме работали Йонас Мисявичус и Максим Иванников. Они снимали «Поэтические вечера». С Максом мы сдружились. Сдружились

так. В тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году оказались в одном семинаре на восьмом Всесоюзном совещании молодых писателей. И поэтической гурьбой пошли выпить пива на чью-то фатеру. Сажу я на диване. Заходит Макс. Бледный. И, кривясь лицом, цедит сквозь зубы: «Пять таблеток анальгина!» И едва ли не спихивает меня с дивана. Само собой, мне это не понравилось. Я предложил помериться силой рук.

Рука моя рухнула в пропасть мгновенно!
Я оказался на полу вместе со стулом...

Это уже — из моего верлибра, написанного потом. Я его так и назвал — «Пять таблеток анальгина». С посвящением. Помню нашу последнюю встречу в какой-то московской кафешке. Это уже — где-то в середине первого десятилетия двухтысячных. Макс открывает подаренную ему книгу «Не такой» на странице, где те самые «Пять таблеток...». И не без гордости демонстрирует посвящение своей очередной пассив. Поскольку Макса больше нет (недавно я зашёл в Интернет, набрал его фамилию и с прискорбием это обнаружил), позволю себе ещё несколько строк:

Он проходил по улицам —
высокий, рыжебородый, пятнистый,
и на него заглядывались
лучшие женщины Города.
А он
не мог заглядываться на них.
С осколком в животе
он шёл мимо женщин...

Но, как мы видим, это женщины вонзались в него, как осколки. Макс вернулся из Афгана. Он показал мне, что такое ночные монтажи на ЦТ. Когда в конце восьмидесятых я создал группу «Политбюро» (Пермское объединение литературных бюрократов), ставшую лауреатом первого Всесоюзного фестиваля поэтических искусств «Цветущий посох» на Алтае, Иванников пригласил всех членов «Политбюро» с неофициальным визитом в молодёжную студию «Останкино». Был просмотр нашего выступления. На нём присутствовал Политковский. Затем «Политбюро» отбыло в места не столь отдалённые — кто в Пермь, кто в Екатеринбург, а через некоторое время мы с удивлением обнаружили, что на ЦТ появилась новая авторская программа человека в клетчатой кепке. Сам понимаешь, как она называлась...

ик. «Политбюро»...

юб. Члены «Политбюро» даже не поставили это Политковскому на «вид». Разница в чём? Над нашим «Политбюро» тяготела статья ук, так называемая одиннадцатая-прим — за публичные оскорбления или дискредитацию высших органов власти. Я, например, был «генсек», Слава

Дрожащих — «секретарь по идеологии и сельскому хозяйству» (намёк на Егора Лигачёва), Юра Асланьян — «министр внутренних дел», Толя Субботин — «кандидат в члены Политбюро». Это сейчас вызывает снисходительную улыбку. А тогда, бывало, люди шёпотом переспрашивали: «Какое Политбюро вы имеете в виду — горбачёвское или, извините, пермское?» То есть мы рисковали. А с утверждением в эфире «Политбюро» Политковского эта статья уже фактически не применялась. Другая страна. Уже можно было всё. Без особой оглядки. Конечно, Политковский — герой. Кто спорит?

ик. Сашу я притащил в молодёжку из спортивной редакции. Я видел его сюжеты, в которых всегда проступали свой почерк и тонкая ирония, и посоветовал Сагалаеву пригласить его к нам. Он не сразу раскрылся. Но однажды, в одном из материалов с мероприятия Московского фестиваля молодёжи и студентов (тысяча девятьсот восемьдесят пятый год), снял кадр, в котором во время показа мод шёл неузнаваемым, спиной к камере, вместе с манекенщицами. В той самой, ставшей потом знаменитой, клетчатой кепке. И вдруг обернулся, в его руке оказался микрофон, и он начал репортаж. Так начался фирменный стиль Политковского. Про твоё «Политбюро», естественно, никто в Москве не знал, и мы все восприняли его новый авторский формат на ура.

юб. Ну как никто? А Макс Иванников? Тот же Политковский? Насколько мне известно, Макс уходил с Центрального телевидения. И не раз. Уезжал работать в Нижневартовск. Потом — чуть ли не в Мурманск. А ведь он участвовал в съёмках фильма «Лев Николаевич Толстой. Последние дни», сделал первые двадцать восемь эфиров «Взгляда», был режиссёром таких запоминающихся программ, как «Намедни», «Портрет на фоне», «Кремль-9», финалистом «тэффи». Почему штучные люди покидают «Останкино»? На слуху, кроме Максима Иванникова, пример Владимира Мукусева, который после «Взгляда» работал где-то в Сибири... Что это, если не форма изгойства? Или духовные метания здесь ни при чём и всем и всеми рулят пресловутые «бабки»?

ик. Припомнил, как девятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года мы с Максом Иванниковым поехали на Товарно-сырьевую биржу Кости Борового, прошлись вместе с представителями только зарождающегося класса предпринимателей и их пятидесятиметровым «флажком» по Лубянке и Тверской, потом двинулись к Белому дому. Вечером снимали нападение омона на «Эхо Москвы»

и отпугнули захват радиостанции. С Максом я работал и после того, как ушёл из АТВ. Это длилось довольно-таки долго, но ничем значимым, увы, не закончилось. Ни разу не слышал от него про Афган. Он вообще-то в годы этой войны работал в литдраме, и я не очень представляю, как он мог туда попасть...

ЮБ. Он даже мне стихи свои показывал—госпитальные, наполненные запахом йода, по-моему, в журнале «Смена» напечатанные... По приглашению Макса я участвовал во внутреннем вечере Останкинского телецентра, где среди прочих выступали Сергей Беликов и Юрий Беликов, а последний читал всё те же «Пять таблеток анальгина». Помню, ко мне по окончании концерта подошёл благодарный парнишка с медалью на груди, и я его свёл с героем своего стихотворения, то бишь с Максом...

ИК. Очень печально, что Макс так безвременно ушёл. Но, отвечая на твой вопрос, хочу сказать, что выпадение из телевизионной обоймы у каждого происходит по-разному. Иванников уезжал в Сибирь не от невостребованности. Он достаточно успешно в то время работал режиссёром над документальным сериалом «Кремль-9». Просто ему хотелось своего дела, где он был бы хозяином, в том числе и по финансовым вопросам. И он создал свою студию. С Москвой при этом связи не рвал, но в команде чувствовал себя белой вороной. Володя Мукусев пошёл с открытым забралом в бой на «взглядовцев». Опубликовал полный обид и претензий к своим бывшим коллегам материал в «Огоньке». За что и поплатился.

ЮБ. Представь, у меня этот материал—в памяти: он был, ко всему прочему, ещё и хорошо написан! Ну а что приключилось с тобой?

ИК. Приведу одну почти что притчу—об НТВ, чью аббревиатуру на какой-то годовщине компании я предложил расшифровать как «Ну Ты Ваше!».

Опуская то обстоятельство, что нынешнее НТВ—это вам совсем не прежнее НТВ. О мощи именно того, первоначального, общественно-политического явления говорит тот факт, что его два главных действующих лица и по сию пору определяют медийную конфигурацию не только в России, но и за рубежом. Добродеев, подобно теневому Победоносцеву держащий в руках «духовные скрепы» Отечества, и Киселёв—этакий Герцен, пытающийся быть колоколом в Украине. Произошедший между ними разлом, как известно, был болезненным, но, увы, закономерным. В своё время команда НТВ также вклинилась в живой и развивающийся телевизионный организм. Как это было?

В девяносто втором году новый председатель Российской телерадиовещательной компании «Останкино» Егор Яковлев поручил команде «Авторского телевидения» выгнать из помойки четвёртый государственный канал. Канал повторов и заплесневелых учебных программ. Генеральным директором был назначен Анатолий Малкин, главным редактором—Иван Конов, главным режиссёром—Дмитрий Дибров. Оставив у «Российских университетов» самые лучшие передачи, мы начали заполнять эфир нестандартными сериалами и оригинальным контентом. Именно тогда Львом Новожёновым было запущено легендарное «Времечко». Мы с Димкой ещё взяли на себя и ведение многочасовых прямых эфиров из студии с гостями и телефонными звонками. Канал стал заметным буквально за один год с небольшим. Тут и объявился Гусинский со товарищи. Те, кто начинал тогдашнее НТВ,—Малашенко, Киселёв, Добродеев, Цыварев—реально были моими товарищами и по-товарищески предлагали мне остаться главным редактором. За что я им очень признателен. Но я, будучи одним из создателей и вице-президентом АТВ, дважды отказывался от этого заманчивого предложения по соображениям корпоративной этики. До сих пор не могу понять: как я посмел и сумел отказаться? Думаю, что и мои друзья тоже этого не поняли и до сих пор считают меня, мягко говоря, странным.

Далее—беспрецедентный поворот событий. Сначала Ельцин подписал указ о передаче части «нашего» канала НТВ. Потом его отменил!!! И через какое-то время подписал заново!!! До сих пор так и неясно, кто и как боролся за дрожжащую с похмелья руку Бориса Николаевича, какие деньги и с чьей подачи изменили ход событий. Гусинский провёл блестящий блицкриг, сломав государственную машину. Другое дело, что она уже сама дышала на ладан. У Ельцина был шанс реконструировать государство с помощью частного капитала, находящегося у первого под контролем, но он предпочёл (или, скорее, его принудили) спустить тормоза и отдать всё на откуп «дикому капитализму». При этом НТВ действительно совершило прорыв, особенно в информационном пространстве. Жаль только, что на удобренном нами поле. Мы остались друзьями. По-дружески довольно-таки долго ребята выпускали в эфир мой «Третий глаз». Выходило и «Времечко» до тех пор, пока не показало свой строптивый характер. Я и сам недолго проработал после этого в «Авторском телевидении». Будучи вице-президентом и членом редсовета, в один прекрасный момент ушёл в никуда, осознав, что «суета под заказчиком» стала главным движущим стимулом и залогом выживаемости компании. Я остался не удел.

На телеке всегда так: сегодня ты на коне, а завтра... Сам видел, как вчерашние телебонзы с зарплатой в пять кусков вдруг падали. Одна вот так рассылала своё монументальное резюме. Без копейки сидела, пока не устроилась помрежем во вшивенькую программу. Что уж говорить мне? Ты прав: опытные люди, да ещё с именем, опасны для тех, кто уже присел на какие-то деньги. Но у кого-то ведь получается продать душу дьяволу? Однако я кастинг не прошёл...

ЮБ. Кажется, мы дописали песенку об изгоях?

4. Глубоководный аппарат «Россия»

ЮБ. Знаешь, когда нечеловеческое в людях зашкаливает, я с этих телеканалов «спрыгиваю» на «Animal Planet» — «Планету животных»... Глубокоуважаемый Иван Арсеньевич, можно, я в связи с этим наступлю вам на хвост? Вы ведь у нас ещё и актёр? Снялись в нескольких игровых фильмах?

ИК. А что, актёры... с хвостами?

ЮБ. В известном смысле — да. Во всяком случае, их модно стало заводить, как кошечек и собачек. Раньше, в эпоху «отчаянного антисемита» Лапина, в телевизоре появлялись космонавты, передовики производства, даже некоторые поэты, а теперь на ТВ водятся исключительно актёры. «У нас что — страна актёров?» — недоумевает моя мама. Какое ток-шоу ни возьми — «Сегодня вечером», «Пусть говорят», «На самом деле», «Судьба человека», включая программу твоего друга-«миллионера» Диброва (я уж молчу про Малахова с его «Приветом»), — сплошные актёры артистовичи. Так и хочется крикнуть: «Ужо! Нет на вас царя Алексея Михайловича!» Недаром он своим приснопамятным указом изводил скоморохов как бесовское семя и те бежали в сторону будущей Украины. Но когда-нибудь количество должно было перерасти в качество? Вот и на той сторонushке скоморох сел в президентское кресло. Не кажется ли вам, Иван Арсеньевич, что русский царь-то был прозорливцем, и не самое ли время воротиться к его указу?

ИК. Тут всё очень просто. И понятно без царских указов. На всех каналах у редакторов по госям установка одна: нужны так называемые медийные лица. То есть зрители прежде всего, на их взгляд, реагируют на того человека, которого знают. На популярную физиономию. Всё остальное — производное. Если у него ещё язык подвешен да он на него остёр и несдержан, то вообще — находка.

ЮБ. Сказать, как реагируют зрители? Одни продолжают смотреть, потому что зомбированы. Другие раздражены, но смотрят по инерции.

Третьи исходят тихой злобой. А правду ищут в стихах Ивана Кононова: «Слабительным лечи свои запои, / Но только телевизор не включай!», «Краснела кнопка от стыда на пульте...», «Я сам стал Ксенией Собчак... Ведь нет других уже ни в ком, / Кругом — её манеры, вкус...». А вот и вовсе — как будто царь Алексей Михайлович взорвался во гневе и, потрясая скипетром, благословил изгнание телевизионных завсегдаеяв:

Бандюганы, бомжи и буржуи,
Девки — выбриты, парни — гундосы,
Говноеды, скоты, смехожуи,
Фраера, упыри, соплесосы...

Ух! Прямо дрожь пробирает от этих «жи», «жу», «жо». И при этом ты со многими персонажами собственных стихов — на дружеской ноге?

ИК. Недавно на тусовке встретился и обнялся со своими старыми друзьями и просто знакомыми. С Журбиным — почтительно, потому что он памятник. С Богомоловым — заискивающе, потому что хочу к нему на премьеру. С Вишневским — многозначительно, потому что... Конец одностииши. С Хакамадой — смущённо, потому что она мне сказала, что я хорошо выгляжу, а сама с кавалером. Со Свиридовой — нежно. Это даже объяснять не нужно. С Бильжо — тоже нежно, просто потому, что я так к нему отношусь. С Орлушей — не целовался. Потому что он однажды меня подъеднул. Ну, я и боялся, что опять подъеднёт. Мне оно надо?

ЮБ. Небожители наши! Вань, тогда непонятно вот что: перечисление тех, с кем ты близко знаком, в том числе и из мира литературы, заняло бы неприлично много страниц. И, тем не менее, однажды ты обратился из Москвы в далёкую Пермь со своего рода челобитной — попросил принять тебя в дикороссы, Кстати, есть такие фирменные майки, на которых отпечатаны бородатые неприбранные мужики с топорами, а над ними так и значится: «Прошу принять в дикороссы!» То бишь — в сообщество неизвестных поэтов. Спрошу тебя, как ворон Вознесенского: «А на фига?»

ИК. Юра, я знаком с огромным количеством знаменитых и высокопоставленных людей. В основном они знают меня как экс-телезвезду. Кто-то — как автора пары хитов, которые известны практически каждому. И почти никто не воспринимает меня как человека, пишущего стихи. При том, что со временем я понял: самое главное дело моей жизни — именно это. И мне крайне важно быть услышанным. Вот почему я сразу был готов записаться в дикороссы! Потому что ты создал уникальное сообщество людей, страждущих Слова. Настоящего

читателя и ценителя поэзии сейчас днём с огнём не сыщешь. Люди, пишущие стихи, растут не в культуре, не окультуренными растениями, а дикими. Не опылёнными, не политыми, не подстриженными, а непонятыми, одинокими, невостребованными. И тянутся друг к другу. Ты в своём пермском энергетическом аномальном треугольнике сконструировал эту удивительную поэтическую воронку, жадно всасывающую всё самое главное в жизни, выраженное словами. И через неё наполняется редчайший сосуд вечно живого и животворящего русского Слова. А что касается меня, то и телевизионная, и общественная, и бизнес-деятельность—это материал для поэзии. Я сейчас, уйдя на пенсию, чем только не занимаюсь. И Арктикой (я член правления Фонда «Артика сг»), и Евразией (один из авторов и создателей глобального выставочного проекта «Большая Евразия»), и отечественными товаропроизводителями (главный редактор одноимённого издательского дома). Занимаюсь, используя все мои многочисленные контакты и наработки. И всё это, как ты видишь,—глобально. И всё это—повод задуматься и высказаться о вещах основополагающих и глубоких. Я медленно, но верно пытаюсь перейти в другой статус узнаваемости. Глядишь, годкам к семидесяти окончательно созрею для этого! А пока больше всего радуюсь тому, что муза время от времени спускается ко мне и диктует вещи, расширяющие моё понимание бытия. Поэтому написал целый ворох больших вещей в стихах: от скоморошьяго сказа «Русский человек» (привет царю Алексею Михайловичу!) до поэмы «Гиперборейцы. Воскрешение».

ЮБ. Мне выпала честь стать одним из первых их читателей. Так, дважды прочитал «Гиперборейцев». Если бы я прочитал один раз, было бы худо. Потому что всё истинное притягивает и отталкивает одновременно. Это я такой закон вывел. Оттолкнуло—и больше не читаешь или не смотришь. Притянуло без отталкивания—тогда зачем ещё раз притягиваться? А когда притянуло и оттолкнуло—ага, есть что постигать. Наживка. Вообще, поэма—жанр опасный. А ты в этом смысле—как Твардовский и Сельвинский в одном лице. Сколько поэм ты уже наворотил?

ИК. Сейчас посчитаю... Пять! Это только поэмы. Плюс четыре пьесы в стихах, два мюзикла и сценарий фильма со всеми моими ростовскими песнями.

ЮБ. Опасность жанра поэмы в том, что уйдёшь в повествовательность—оттолкнёшь без притяжения. Напротив, затяжные эмоциональные вопли, где отсутствует хоть какой-нибудь сюжет, чаще всего остаются одноразовыми

для чтения. В «Гиперборейцах» же всё как на весах приказчика (таким ты рисуешь образ качающейся палубы прибывшего на Соловки теплохода). Яркие персонажи. Смычка времён. Чекист-истязатель Когтев и заключённый писатель-окультист Гордынин. Блогерша Груня и репер Дрыщ. Я так понимаю, все—вымышленно-собираательные?

ИК. Когтев, он же Ногтев,—первый начальник Соловецкого лагеря...

ЮБ. А также—Горький и Бокий, начальник департамента НКВД. Исторические фигуры.

Под расстрел подставляет голову
Зачарованный монастырь.

Много визуального—изобличающего автора в телевизионной и кинематографической практике. Например, фуражки и бескозырки, лежащие на локтях. Или—отплывающий Горький на теплоходе «Глеб Бокий» и машущий ему с берега фуражкой Бокий, играющий желваками. Но главное—образы Арктиды, мифической Гипербореи, поиск которой в свете всех уже начавшихся природных катаклизмов, спровоцированных таянием ледников, может в ближайшем будущем обернуться новым периодом развития Земли. И президент автором не обижен—он тоже действующее лицо поэмы. Как и положено, в курсе происходящего—думает над феноменом Воскрешения гиперборейцев и вообще феноменом Воскрешения. Образ пули, висящей во времени и пространстве. Образ глубоководного аппарата «Россия». Всё работает. И не просто работает—болит!

То пули соловецкой злая сила
Прodelала смертельный свой кульбит.
Глубоководный аппарат «Россия»
Был временем безжалостно подбит...

ИК. Ты знаешь, мне стало конкретно страшно, когда замысел, ещё не до конца оформившийся, вдруг стал на моих глазах воплощаться в жизнь. И именно это переплетение вымысла и реальности выстроило весь сюжет. Экипаж «Лошарика» в моей поэме стал командой глубоководного аппарата «Россия», которая состояла из прямых потомков палачей Соловецкого лагеря особого назначения и которая погибла от той самой расстрельной пули, пущенной из того времени и набравшей за этот период страшную разрушительную силу! А когда глава государства спустился на дно Баренцева моря в батискафе, мне совсем поплохело. Тем паче что я стал наткаться на комментарии «специалистов», в которых всерьёз утверждалось, что все наши подводные, зачастую трагические, эпопеи были связаны с поиском некоего портала в иные миры. В том числе—за бессмертием...

Вообще, я переключился на большие тексты в стихах потому, что обнаружил в них удивительную способность выводить меня на какие-то обобщения, объяснения и прогнозы, недоступные моему обыденному пониманию. Они дисциплинируют мыслительный процесс, заставляют волей-неволей вытаскивать изнутри весь жизненный опыт и обрывочные знания, чтобы воспроизвести целостную картину мира. Прежде всего — для самого себя. К тому же уже написанные и возникающие вновь зарифмованные строчки не расплываются по отдельным стихотворениям, а существуют сообща, давая мне ощущение полноценного осмысленного бытия. И в этом процессе поиск и находка правильной, уместной, свежей рифмы абсолютно тождественны открытиям и озарениям естествоиспытателя. И теперь я уже точно знаю, что чем мучительней этот поиск, тем содержательней и проникновенней результат.

юб. То бишь поэт — он же естествоиспытатель?

ик. Для меня — да. Например, я обнаружил такой факт. Из Ростова-на-Дону мы с родителями переехали в Подмоскovie, в село Мещерское. Тут я окончил школу, отсюда ушёл в армию, в этих местах мы потом построили дачу, папа с мамой похоронены теперь на местном кладбище. Так вот, мой дед по отцовской линии Арсений Арсеньевич Кононов — родом из Бежецка. А основатель «нашего» села князь Булат Михайлович (во святом крещении Иван) Мещерский был воеводой этого славного городка Тверской губернии. Прости, Юра! Смотрю назад, но вижу то, что впереди. Казалось бы — пустяк, но смысловые завихрения продолжают рифмоваться и дальше.

Взлетаю в космос, иду в забой,
Но центр Вселенной беру с собой.

Мой друг Виталий Сундаков, великий путешественник, исследователь проточивилизаций и знаток отечественной истории и культуры, меньше десяти лет назад построил в километре от нас славянский кремль со своим князьим домом. При этом у него есть стройная теория о том, что именно тут находится пуп Земли, о чём я написал в поэме «Умалишённые»:

Историй этих подоплёку,
Наверно, ангелы плели.
От графских мест неподалёку
Располагался пуп Земли.
Поэт, этнограф и философ,
Великий друг планеты всей,
Решив по ходу ряд вопросов,
Возвёл славянский дом-музей.

Он вычислил, что если вместе
Собрать материки, как сруб,
То ровно в этом самом месте,
Где дом стоит, и будет пуп.

юб. Пермьяки могут помериться с Сундаковым пупами! Ну, во-первых, в славном городе Кунгуре, что примерно в часе езды от Перми, есть скульптурная композиция, которая так и называется — «Пуп Земли». Во-вторых... Как-то я спросил приезжавшего в Пермь Андрея Вознесенского: «Какие ассоциации у вас вызывает слово „Пермь“?» Он быстро ответил: «Первый!» И был не просто недалёк от истины, а угодил ей прямо в пуп. Загибаю пальцы: есть предание, что на слиянии Камы и Чусовой родился один из первых пророков древности Заратустра; первый велосипед изобрёл умелец из Пермской губернии Ефим Артамонов; первую передачу информации в пространстве (радио) осуществил уроженец Перми Александр Попов; электросварку изобрёл пермяк Николай Славянов; даже первый в Российской империи частный ботанический сад был создан в нашених пределах благодаря Григорию Демидову...

Но и это ещё не всё, как любят изъясняться на канале РЕН ТВ. В конце девяностых мне из Нью-Йорка в Пермь позвонила художник-испытатель российского происхождения Ирина Данилова: «Вы ведь сталкер Пермского тругольника? Прикамье — это единственное место суши, где пересекаются пятьдесят девятый меридиан с пятьдесят девятой параллелью. По моим расчётам, здесь — центр Земли!» Вот ты, Ваня, говорил о том, как всё рифмуется. Можешь себе представить: я тогда жил в доме номер пятьдесят девять «А»! По версии Даниловой, число «пятьдесят девять» закодировано во всех значимых исторических датах. Допустим, когда произошла Куликовская битва?

ик. Если мне память не изменяет, в тысяча триста восьмидесятом году...

юб. Делаем нехитрые вычисления: восемь минус три — пять, восемь плюс один — девять. Это — только те числа, которые в дате. В итоге — пятьдесят девять. Можешь проверить на других датах.

ик. Была великая битва в соседних с Мещерским Молодах. По значимости её сравнивают с Куликовским и Бородинским сражениями. В правление Ивана Грозного сравнительно малочисленное войско под управлением князя Воротынского одолело ораву крымско-татарского хана Гирея, не пустив его дальше на запад и отстояв независимость и единство Руси. И произошло это в тысяча пятьсот семьдесят втором году. Давай прикинем: пятёрка имеется,

семь плюс два—девять. Опять пятьдесят девять?
Любопытно.

ЮБ. И вот эта самая Ирина Данилова прибывает в Пермь со спутниковым навигатором «Магеллан» и с его помощью находит в уральской тайге точку пересечения пятьдесят девятой параллели с пятьдесят девятым меридианом. Это в шести километрах от посёлка Средняя Усьва Горнозаводского района Пермского края. На вкопанной в землю тесине Ирина укрепила число «59». Чем не пуп Земли?

ИК. Оупеть можно! И впору задуматься о высших силах. Необъяснимых и непознанных. Сакральных и божественных. Мы живём в координатах повседневного чуда, делая вид, что всё понимаем. А чудо между тем благоволит к нам, то и дело выводя страну, народ и каждого из нас из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

ЮБ. На этот счёт у тебя есть великое, на мой взгляд, стихотворение, у которого, правда, страшноватенькое название — «Кровавый режим ожидания», но это стихотворение могло бы украсить любую отечественную антологию. Я хочу, чтоб ты сейчас его прочёл...

ИК. Мы народ свой не знаем, брат.

Потому и гадаем тут.
Слушай, как там они?

— Стоят.

А зачем хоть стоят-то?

— Ждут.

Вот уж сколько веков подряд—
Пьянство, блуд да тяжёлый труд.
Ну а после чего?

— Стоят.

А чего хоть хотят-то?

— Ждут.

Нет, пойду всё же выйду к ним,
Поболтаю о том о сём.
Чем вы заняты тут?

— Стоим.

Это ясно. А с целью?

— Ждём.

А зачем хоть? Вопрос простой.

— Так ведь все же стоят и ждут.

Я могу вам помочь?

— Постой.

И чего мы дождёмся?

— Чуд.

ЮБ. Здорово! Отношение к чуду зафиксировано у многих русских поэтов. Помнишь у Евтушенко:

Я не верую в чудо,
я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда...

И прямо противоположное—у Ивана Жданова:

Надежды больше нет,
есть только вера в чудо—
и надо мною свет
неведомо откуда...

Куда качнуться? Тут каждый выбирает по себе. Но этот выбор— в одиночку. Народ же Ивана Кононова ждёт «чуд»— во множественном числе. Лет пять или семь назад ты прислал мне по электронной почте одно из ранних стихотворений Бродского «Народ»...

ИК. Было такое...

ЮБ. А я тогда этого стихотворения не знал. Оно одно из лучших:

Путь певца— это родиной выбранный путь,
И куда ни взгляни— можно только к народу свернуть...

Но когда погрузился в твою нынешнюю книгу «Эра Водолея» (а там— целый цикл о народе), мне подумалось, что кононовский народ вышел из одноимённого стихотворения Бродского, как все мы— из гоголевской «Шинели». Но если Иосиф всего лишь «припадал к народу» и в итоге к нему не свернул, то Иван-то, знающий, что «мой народ недвижим, как пространство, которого нет», встал и стоит— плоть к плоти— с собственным народом и вместе с ним ждёт чуда. Это— как стояние на Угре...

ИК. Я хочу прочитать тебе ещё один стишок, который написал совсем в юном возрасте. Я ещё не читал Бродского и даже не был знаком с Юрой Арабовым, с которым пришла ко мне поэтическая самоидентификация. Варился в собственном соку. Моим кумиром был Маяковский. Я шпарил его наизусть километрами. Поражал воображение девчонок, выдавая по памяти всю поэму «Флейта-позвоночник». Я почитал Вознесенского, Евтушенко, Мартынова, Левитанского, Винокурова, Самойлова, Кедрина, Заболоцкого. Выискивал золотые крупницы в ежегодных толстенных сборниках «День поэзии». Декламировал стихи со сцены и самому себе. У меня как раз начал ломаться голос, приобретая баритональные тона. И потихоньку что-то писал сам. Не понимая вообще, что в этом смысле со мной происходит:

Кто ты, зачем и откуда,
Купола свет голубой?
Весь в ожидании чуда
Молча стою пред тобой.
Но колокольного гуда
Слышится голос глухой:
«Сам-то ты взялся откуда,
Вставший теперь предо мной?»

ЮБ. Рубцову бы понравилось...

ик. И Рубцов—в том же ряду. Понимаешь, поэтическая колокольная многоголосица и была для меня тогда тем самым чудом и «гласом народа», среди которого я жил. Сначала—бабушкиным внучком в прибалтнённом дворе Ростова-на-Дону, потом—увезённым родителями и отпущенным ими же на свободу подмосковным пацаном в посёлке при психиатрической больнице, где работала моя мама. Больница была дореволюционной, появившейся в бывшем имении барона Боде. Здесь бывали Толстой и Чехов, Чайковский и Поленов. Я мальчишкой ходил в библиотеку, сохранившуюся ещё с тех времён в графском дворце, который теперь занят отделением для душевнобольных. Тогда ещё были целы старинные книги в кожаных переплётах. Теперь всё разворовано...

Но вот что я хочу сказать: непонимание и незнание народом своих начал не означает отсутствия в нём этих самых начал на генетическом уровне. Иной раз кажется, что он, как некий единый гигантский организм, Левиафан, выброшенный на бескрайний берег под названием Россия, неповоротлив и беспомощен. Взирает то с недоумением, то с гневом вокруг себя и шевелит то хвостом, то плавниками. Голова может на что-то среагировать, разинути пасть и проявить мозговую активность, но пока сработают нервные рецепторы, пока сигнал дойдёт до окраин туши, ситуация уже двадцать раз изменится, и долгие телодвижения в обратную сторону могут обрушиться на источник беспокойства в самый неожиданный момент.

Сейчас в каждой своей новой большой вещи я пытаюсь разобраться в той или иной составляющей этого огромного, неохватного человека, который именуется русским и который является тем самым народом, выполняющим свою

тяжеленную миссию—быть между Востоком и Западом, между небом и землёй, между неизменным и высоким, между душой и телом. Недаром моя первая пьеса в стихах так и называется—«Русский человек». Он с рождения—великан. Его мутузят, гнобят, унижают, а он всё растёт и растёт, продираясь сквозь время и пространство. Наконец, его хотят низвести до нуля с помощью хитроумного оружия. Но забывают об одном: они сами—микроскопичны. И когда техника срывается, он всё равно остаётся, хоть и уменьшенный в размерах, а они исчезают вовсе.

И всё-таки он жив, хоть предан, и распят,
И пригвождён к стране, к истории, распаду,
Влачащими его веков тринадцать кряду,
Запятнанными им от головы до пят.
Он брошен, выжат, смят, и куплен задарма,
И высечен собой плетьюми, а не в граните.
Используйте его, презрите, изгоните,
Ведь он—навоз, дерьмо, подножные корма,
Пристанище греха, чудовище, урод,
Обмен своих веществ сводящий к вечным мукам,
Не годный ни к любви, ни к вере, ни к наукам,
Живущий вопреки, назло, наоборот.
И всё-таки он жив, хоть бей его, хоть режь.
До дна хлебнув вина, вины, упрёков, горя,
Он вдруг зашевелит губами, небу вторя,
И просверлит, пробьёт в небесном склепе брешь.
И сам себе слуга, и царь, и божество,
Отец, и мать, и сын, и баловень Господень,
Он станет лишь Ему подобен и угоден,
Тому, кто создавал неверного его.
Кто он? Каприз? Словесный оборот?
Плод космоса? Услада материнства?
Он—знак и суть триады, триединства:
Отец, Сын, Дух—
Бог, человек, народ!